

Скачкова Ирина Ивановна

О ВОЗМОЖНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МЕХАНИЗМА ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена рассмотрению возможности / невозможности языковой политики с точки зрения функционального потенциала языковой системы и ее отношениями с нормой и узусом. Исследуется возможность выбора языковых средств носителями языка, которая является относительной и зависит от языковой и коммуникативной ситуации, а так же от национальной ментальности. Показано, что естественный язык способен саморегулироваться, очищаться от функционально лишнего и адаптировать функционально необходимое.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 177-180. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению возможности / невозможности языковой политики с точки зрения функционального потенциала языковой системы и ее отношениями с нормой и узусом. Исследуется возможность выбора языковых средств носителями языка, которая является относительной и зависит от языковой и коммуникативной ситуации, а так же от национальной ментальности. Показано, что естественный язык способен саморегулироваться, очищаться от функционально лишнего и адаптировать функционально необходимое.

Ключевые слова и фразы: языковая политика; языковое планирование; языковые средства; языковая деятельность; система; норма; узус.

Скачкова Ирина Ивановна, к. филол. н., доцент

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Волгограде
irinask.2007@mail.ru*

О ВОЗМОЖНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МЕХАНИЗМА ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ©

Во все времена ученые и политики пытались воздействовать на язык с разными целями, главными из которых является контроль, регулирование и манипулирование социальным поведением и общественным сознанием человека. Средством контроля, регулирования и манипулирования считается языковая норма, которая является частью паттернов поведения группы и наряду с другими определяет способ бытия [11]. Поэтому многие ученые считают, что языковые нормы должны оцениваться как одна из форм нормативности обычаев, включаясь тем самым в категорию различных общественных норм [6]. Государство пытается нормализовать язык, поскольку именно норма заставляет языковой коллектив использовать языковые средства определенным образом. Для влияния на язык государство использует языковую политику. Языковой политикой на данном этапе исследования мы называем часть общей политики государства, которое принимает основные принципы политики в отношении языков, функционирующих на его территории. Поскольку целью нашего исследования является рассмотрение языковой политики в многонациональном государстве, одной из задач является решение вопроса о возможности агентов языковой политики влиять на систему языка.

Для решения вопроса о возможности влияния человека на язык обратимся к языковому планированию, которое является частью языковой политики, а точнее, реализацией языковой политики. Э. Хауген определяет языковое планирование как «оценку языкового изменения». Поскольку люди «могут и действительно <...> меняют <...> свой язык» [10, с. 445], то у них должен быть выбор (языковых средств). Следовательно, ученые могут говорить о языковом планировании как о «попытке повлиять на этот выбор» [Там же]. Такого же мнения придерживается Р. Фазолд, который говорит, что «именно существование выбора делает возможным языковое планирование» [Цит. по: 1, с. 78]. В. В. Наумов полагает, что право выбора или, точнее, свобода в реализации этого права, является относительным и зависит от: а) общей языковой ситуации, определяемой государственными или административными структурами; б) национальной ментальности, проявляющейся, в частности, в отношении нации к иностранным языкам [5, с. 15]. Примером права выбора языковых единиц может являться ситуация на Украине в феврале 2014 года. 23 февраля Верховная Рада отменила Закон об основах государственной языковой политики от 3 июля 2012 года. Этот закон предусматривал возможность официального двуязычия в тех регионах, в которых миноритарные группы составляют более 10% (в 13 из 27 административно-территориальных единиц Украины). В Крыму родители имели право выбора языка обучения в школе для своих детей. А в феврале 2014 года русский язык был объявлен вне закона, Рада предусмотрела уголовное наказание за использование любого миноритарного языка в общественном месте. Причем, речь идет не только о русском языке, но также о венгерском, польском, румынском, молдавском.

В своей работе «Государство и язык: Формулы власти и безвластия» В. В. Наумов говорит: «в социолингвистике процесс взаимодействия общества (субъекта) и языка (объекта) традиционно рассматривается как дихотомия, первая составляющая которой представляет собой аморфное образование, генеральную совокупность индивидов, так называемых наивных носителей языка, спонтанно, непреднамеренно насыщающих языковую систему речевыми образцами, которые в свою очередь формируют ряд правил реализации языковых единиц, называемых нормой». Из этого он делает вывод: «Следовательно, сознательное воздействие общества на язык, либо крайне ограничено, либо, что более вероятно, вообще невозможно» [Там же, с. 7]. Но ранее ученый пишет: «беззаботное и невнимательное отношение <...> социума к <...> языку способно породить проблемы, сопоставимые с угрозой национальной безопасности государства» [Там же]. Далее в своей книге Владимир Викторович пишет: «язык нуждается в заботе» [Там же, с. 50]. Другими словами, автор скептически относится к возможности языковой политики, но подчеркивает, что носители языка должны прилагать определенные

усилия для сохранения средства коммуникации. Э. Косериу говорит о том, что человек может изменять норму, если такие изменения «санкционированы системой» [4]. Д. Ю. Гулинов утверждает, что трудно отрицать возможность непосредственного воздействия человека на систему языка, но рассуждая о попытке замены уже имеющихся во французском языке лексических единиц иностранного происхождения исконными словами, говорит о том, что попытка вытеснения заимствованных слов не привела к желаемому результату [2].

Добавим о возможности выбора языковых средств. В многоязычном обществе одновременно функционируют как разновидности одного языка, так и разные языки. Языковое сообщество может выбирать и выбирает ту или иную форму языка, что является доказательством самоидентификации этого сообщества. Самоопределение социальной группы всегда связано с выражением отношения группы к своему языковому наследию и языковому наследию других социальных групп. Поэтому некоторые ученые считают, поскольку выбор языка является общественно важным, то «без труда можно влиять на процесс использования языка в обществе» [1, с. 67]. Выбор существует на всех уровнях употребления языка, однако, не все уровни одинаково восприимчивы к языковому планированию. Как правило, выбор возможен в сфере официального, публичного употребления языка. Приведем еще один пример о свободе выбора, показывающий возможность влияния на процесс использования языка в институциональном дискурсе. В 1880-х годах дети американских индейцев были вынуждены посещать школу-интернат с конкретной целью внедрения их в англоязычную доминирующую культуру и предоставления им минимальных навыков работы. Но в повседневной жизни школы детям запрещалось говорить на своих родных языках, а тех, кто нарушал этот запрет, унижали, били, а их рты мыли щелочным мылом. В итоге дети и их родители начали расценивать такое поведение должностных лиц как непоколебимое намерение использовать школу, чтобы разрушить их язык и культуру. В этом примере и примере о запрещении публичного использования миноритарных языков на Украине показаны действия агентов языковой политики по сокращению коммуникативных функций языков.

Современные лингвисты при изучении языковой политики рассматривают феномены нормы, узуса и системы. Эти феномены необходимо изучать потому, что языковая политика часто направлена на изменение языковой системы. Широко известно, что внешними факторами языкового развития являются социальные, демографические, политические, культурные, экономические и другие условия, которые формируют этнос, говорящий на конкретном языке. Эти факторы определяют развитие коммуникативных функций языка. А внутренний механизм языкового развития определяется функциональным потенциалом языковой системы и ее отношениями с нормой и узусом (речевой деятельностью общества). Далее рассмотрим этот механизм. Феномены нормы и узуса рассматриваются в рамках языковой системы, в которой они функционируют. Поскольку эти термины в современной лингвистике многозначны, определим наше понимание данных языковых явлений.

Для начала дадим определение системы, используемое в данной работе. Система – совокупность взаимосвязанных элементов, образующих нечто целое. Единицы языковых уровней образуют отдельные системы (например, лексическая система), части единиц каждого из уровней также образуют системы (например, система гласных; система падежей и т.д.). Поэтому некоторые исследователи предлагают наибольшую из систем называть кодом [3]. Но поскольку мы занимаемся изучением языковой политики, будем пользоваться понятием язык и языковая система для того, чтобы избежать путаницы понятий. Язык будем рассматривать как сложное и определенным образом организованное целое, т.е. как систему. Языковая система является «самодостаточной», в том смысле, что может функционировать без привлечения единиц других систем. Языковая система иерархически организована. Э. Косериу рассматривает систему языка как «систему возможностей понятной данному коллективу» [4, с. 76]. Далее рассмотрим понятие языковой нормы, которое является важным и необходимым для характеристики сущности языка и для внутреннего механизма языкового развития.

С точки зрения Ф. де Соссюра сам язык – как совокупность константных элементов речевой деятельности – является своего рода «нормой» для всех прочих проявлений этой деятельности [8]. Ф. де Соссюр доказывал произвольность языкового знака по отношению к «изображаемой им идее» и говорил об обязательности языкового знака по отношению к тому коллективу, который пользуется данным языком [Там же]. Эта обязательность определяется и тем, что язык есть историческое явление, а «солидарность с прошлым давит на свободу выбора». Традиционность знака является одним из его существенных признаков: «Именно потому, что знак произволен, он не знает иного закона, кроме закона традиции, и только потому он может быть произвольным, что опирается на традицию» [Там же, с. 77]. Следовательно, можно говорить о том, что в социальной обусловленности и традиционности языкового знака коренится и его обязательность, в свою очередь предопределяющая существование нормального плана языка. Однако нормативная сторона в концепции Ф. де Соссюра осталась нераскрытой.

В исследованиях языковой нормы современные ученые чаще всего ссылаются на работы Э. Косериу, который определял языковую норму как совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой системы, отобранных и закрепленных языковой практикой [Цит. по: 6, с. 555]. Языковую норму также определяют как совокупность коллективных традиционных реализаций структурных потенций языковой системы, в этом смысле языковая норма присуща любому языковому идиому. Во втором определении делается акцент на то, что норма реализует не все возможные элементы языковой системы. Агенты языковой политики пытаются воздействовать на языковые нормы. 1 сентября 2009 г. вступил в силу приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». В сознании обывателей этот закон был воспринят

как закон об изменении нормы русского языка, поскольку в указанных словарях и справочниках вводилась новая норма употребления некоторых слов [9]. Например, нормой стало слово кофе среднего рода и слово договор с ударением на первом слоге. Хотя, до этого времени оба варианта считались ошибочными, несмотря на распространенное узуальное употребление. Мы считаем этот приказ попыткой агентов языкового планирования повлиять на языковые нормы, а через них на систему. Е. В. Ерофеева утверждает, что норма не является чисто языковой категорией, «она включает и психологическо-социальный момент, связанный с представлениями носителей кода о правильной, престижной речи» [3, с. 7]. Поясним последнюю цитату. Как мы уже говорили, с 1 сентября 2009 языковая норма допускает употребление слова кофе в среднем роде. Но, зная это, представители сообщества преподавателей и студентов используют это слово в мужском роде, используя старую норму, которая им кажется более правильной. В этом проявляется двусторонняя природа нормы: с одной стороны в ней проявляются объективные свойства развивающегося языка, а с другой – общественные вкусовые оценки. Следует добавить, что именно наличие стабильных фиксированных и осознанных норм обеспечивает большую или меньшую «стандартность» языка.

Мы уже говорили, что Э. Косериу характеризует систему языка как «систему возможностей, координат», которые обозначают возможные реализации языковых единиц, в тоже время он дает следующее определение нормы «норма – это система обязательных реализаций... принятых данным обществом и данной культурой» [4, с. 136]. Таким образом, с точки зрения Косериу, система и норма отражают два разных плана языка: система воплощает структурные потенции языка, а норма – конкретно реализуемое в нем и принятое обществом. При такой трактовке система противопоставляется норме по признакам «потенция» – «реализация». В этом смысле многие ученые предлагают понимать следующее замечание Косериу: «норма и есть реализованный язык» [5; 6, с. 552], что означает некоторую ретроспективность нормы. Противопоставление системы и нормы может считаться одним из производных дихотомии «язык – речь». В этом случае язык понимается как система всех потенциальных средств, а речь – как форма существования и функционирования системы [5, с. 19]. В своей работе «Синхрония, диахрония и история» Э. Косериу определяет норму как коллективную реализацию системы, которая опирается как на самую систему, так и на элементы, не имеющие функциональной (различительной) нагрузки. Также для нас важным является следующее замечание Э. Косериу «Язык в широком смысле не только функциональная система, но и нормативная реализация» [4, с. 62]. Из этого высказывания В. В. Наумов делает вывод, что «функциональность системы означает ее нормативность» [5, с. 20].

Н. С. Трубецкой определял язык как «систему (совокупность) норм» [6, с. 554]. В. В. Наумов говорит, что норма существует в системе и для системы [5, с. 20]. Как мы говорили выше, норма – это совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой системы. Взаимозависимость нормы и системы проявляется в том, что норма получает от системы необходимые условия и возможности реализации языкового материала, а система постоянно насыщается новыми элементами и структурами отработанными нормой (через узус). Внутренняя организация языковой системы формируется узусом. Отсюда следует, что то или иное состояние системы есть промежуточный результат взаимодействия узуса и нормы. Узус отличается от нормы тем, что всегда содержит определенные элементы языкового употребления, которые не соответствуют норме, но допускаются системой и могут быть довольно устойчивыми. Например, 25 января 2015 года в аналитической программе «Вести недели с Дмитрием Киселевым» комментируя слова польского министра иностранных дел о том, что украинские солдаты освободили Освенцим, Д. Киселев использует ненормативное слово «охр...ли» для выражения возмущения, негодования. Ведущий информационно-аналитической программы, генеральный директор российского международного информационного агентства «Россия сегодня», заместитель генерального директора ВГТРК является авторитетным агентом языковой политики в России и допускает использование ненормативного слова в эфире центрального канала. Поскольку он является примером для подражания для большого количества молодых жителей России, и они произносят это слово в повседневном общении, можно предположить, что в скором будущем такой вариант реализации будет нормой и будет кодифицирован. Поэтому ненормативный вариант реализации часто становится распространенным. Приведем еще один пример того, как окказиональное междометие становится популярным в узусе, становится нормой и единицей языковой системы. Тренер английской бейсбольной команды Х. Дженнигс использовал предложение «That's the Boy!» как выражение одобрения. Когда начался сезон, он все еще кричал, но сократил это выражение. Теперь он кричал «At's th'boy!». Но даже это выражение было слишком длинное, поэтому он сократил его до «Attaboy». Постепенно это слово стало популярным в Америке, в настоящее время оно зафиксировано в словарях [7, с. 79]. Другими словами, в процессе естественного функционирования языка окказиональное слово начинает использоваться в повседневной речевой деятельности, через некоторое время становится нормой и единицей языка, т.е. частью системы.

Как мы уже говорили, иногда агенты языковой политики пытаются воздействовать на языковые нормы посредством указов. Но практика показывает, что такие действия не дают желаемых результатов. Павел I, борясь с последствиями французской революции, издал закон о запрете слов гражданин, отечество, революция. Пиночет запрещал слово рабочий. Но эти действия не привели к желаемым результатам. Мы уже приводили пример неудачной попытки замены во французском языке лексических единиц иностранного происхождения исконными словами. Из этого можно сделать вывод, что никакие приказы, постановления, властные органы не могут влиять непосредственно на систему языка, поскольку естественный язык обладает способностью к саморегулированию. Язык сам способен очищаться от функционально излишнего и адаптировать функционально необходимое, потому что «язык – это такое произведение человека, которое способно

функционировать само по себе» [5, с. 8]. Государство может влиять только на общественные функции языков. Таким образом, рассмотрение внутренних ресурсов языка, представленных триадой «система – норма – узус» доказывает, что сознательное вмешательство человека в языковую систему возможно очень незначительно. Из этого можно сделать вывод, что языковая политика бывает успешной только в случае совпадения принимаемых решений со спонтанными ожиданиями большинства населения.

Список литературы

1. Гришаева Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтничном и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): дисс. ... д. филол. н. Красноярск, 2007. 592 с.
2. Гулинов Д. Ю. Лингвокреативная деятельность в аспекте языковой политики Франции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. 2. С. 82-87.
3. Ерофеева Е. В. К вопросу о соотношении понятий норма и узус // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т. И. Ерофеева. Пермь: Перм. ун-т, 2003. Вып. 2. С. 3-8.
4. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. М.: URSS, 2010. 208 с.
5. Наумов В. В. Государство и язык: Формулы власти и безвластия. М.: КомКнига, 2010. 184 с.
6. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1970. 602 с.
7. Скачкова И. И. Междоментные референции к категориальным эмоциональным ситуациям (на материале английской и русской художественной коммуникации): дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2006. 211 с.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
9. Стернин И. А. Государство и язык // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 61-65.
10. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. VII. Социолингвистика. С. 441-472.
11. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 255 p.

**ON THE POSSIBILITY OF A LANGUAGE POLICY FROM THE VIEWPOINT
OF THE INTERNAL MECHANISM OF LANGUAGE DEVELOPMENT**

Skachkova Irina Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Volgograd
irinask.2007@mail.ru

The article considers the possibility/impossibility of a language policy from the viewpoint of functional potential of a language system and its relations with the norm and usage. The author examines the possibility for the choice of linguistic means by the native speakers which is relative and depends on the linguistic and communicative situation and on the national mentality. The paper shows that the natural language is capable of self-regulation, it can clear itself from the functionally unnecessary and adapt the functionally essential.

Key words and phrases: language policy; language planning; linguistic means; verbal activity; system; norm; usage.

УДК 811.111'37

Филологические науки

Статья посвящена принципам иллюстрирования медиатекстов в британской качественной прессе («The Guardian», «The Economist», «The Spectator», «The Telegraph», «The Independent», «Newsweek», «Financial Times»). Невербальная часть медиатекста исследуется на примере текстов о действующем премьер-министре Великобритании Дэвиде Кэмероне. Автор классифицирует виды иллюстрирования и делает выводы о ведущих функциях визуального сопровождения медиатекста.

Ключевые слова и фразы: медиалингвистика; медиатекст; когнитивная лингвистика; язык СМИ; британская пресса; визуальный; Дэвид Кэмерон.

Слободенюк Елена Александровна

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
slobodenyuck.lena@yandex.ru

БРИТАНСКАЯ ПРЕССА О ДЭВИДЕ КЭМЕРОНЕ: ВИЗУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МЕДИАТЕКСТА©

Визуальная составляющая в семантике медиатекста является одним из активно исследуемых объектов медиалингвистики. Принципы иллюстрирования медиатекстов стали предметом исследования Я. О. Якубы [10], Э. В. Булатовой [2], А. В. Федорова [8], А. В. Якунина [9]. Вопросы построения и восприятия креолизованных